

Служебная повседневность сотрудников революционных трибуналов Самарской губернии в годы Гражданской войны

Павел Мистрюгов

**The daily service routine of the Samara Region Revolutionary Tribunal officials
during the Civil War**

Pavel Mistryugov

(Samara State Medical University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870000130-4

В годы Гражданской войны в центре и регионах РСФСР удержание большевистской власти и утверждение её социально-экономических и политических приоритетов осуществлялись с опорой на целый набор чрезвычайных средств и методов. Последним уделяется большое внимание в современной историографии. Однако деятельность местных чрезвычайных судебных структур (революционных трибуналов) и реакция на неё со стороны населения представлены недостаточно. Между тем именно эти структуры, будучи активными элементами гражданского противостояния в стране, сыграли особую роль в поддержании власти Советов и РКП(б) и проведении политики большевиков.

Судебным функционерам низовых чрезвычайных структур в Самарской губ., как и в Советской России в целом, приходилось работать в условиях распада прежних и формирования новых механизмов государственного управления на фоне постоянного роста народной стихии и разрухи. Всё это обуславливало специфическое отношение к общественному значению суда и функционированию правовых норм в профессиональном и общественном сознании. Местные ревтрибуналы работали в условиях резкой поляризации в стране социально-политических сил и общественных групп, относительное и кратковременное согласие между которыми сменялось различными по степени и форме протестами. Поэтому от сотрудников ревтрибуналов требовалось неуклонное осуществление чрезвычайного судебного производства.

Внимание советских исследователей было сосредоточено на анализе формально-организационных и кадровых принципов функционирования системы ревтрибуналов (в частности процесса принятия чрезвычайного законодательства), прав, полномочий, социального состава, партийной принадлежности и принципов назначения их членов¹. Рассмотрение данных проблем жёстко регламентировалось идеологическими рамками, а глубина раскрытия

© 2018 г. П.А. Мистрюгов

Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант Президента РФ МК-6759.2018.6

¹ *Титов Ю.П.* Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987; *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия в Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990.

ограничивалась «декретным» подходом, что делало выводы историков неполными. Комплекс вопросов, связанных с реализацией прав и полномочий сотрудников местных чрезвычайных структур и тем более опыт их функционирования оставались недостаточно исследованными. В эмигрантской литературе того же периода проявилась другая крайность — создавался одержимый образ таких сотрудников², что ограничивало объективный подход в изучении рассматриваемой темы.

В 1990–2000-х гг. апологетика и критиканство революционного террора уступили место анализу действительных механизмов формирования чрезвычайной судебной политики на доктринальном, организационном и функциональном уровнях. Например, в трудах по истории российского революционаризма В.П. Булдакова³ отражены социопсихологические подходы к изучению проблемы государственных репрессий и представлены повседневные практики поведения советско-партийных служащих. В диссертационных работах данного периода⁴ вопросы повседневного функционирования чрезвычайных судов не концептуализированы, несмотря на многочисленные описания профессиональных девиаций и примеры применения революционной идеологии в области права. Наиболее подробно эти вопросы рассмотрены В.А. Буковым и А.В. Макутчевым⁵.

В советское время анализ конкретного опыта реализации задач, возложенных на низовые чрезвычайные структуры, подменялся рассмотрением законодательных форм, установленных центром. Сегодня повседневная работа революционных трибуналов только становится предметом специальных исследований. Учёные пришли к выводу, что рассмотрение этой темы не может ограничиваться масштабом макроистории, но должно включать её микроуровень и основываться на методах, используемых в социологии права, микросоциологии и локальной истории.

До сих пор фрагментарно изучены взаимосвязь повседневного служебного положения сотрудников и реализации ими своих прав и полномочий; нормы и девиации в их профессионально-должностном поведении и отношении к закону; восприятие ими подсудимых. Исследование социальных аспектов деятельности ревтрибуналов «победителей» актуально в контексте поиска ответов на мета-вопросы историографии: как происходил чрезвычайный суд в годы Гражданской войны; какими нормами руководствовались советские судебные служащие; каким образом на судебную практику местных ревтрибуналов влияли личные интересы и идеологические представления их служащих, а также социально-политическая конъюнктура и нормы законодательства?

² Мельгунов С.Л. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990.

³ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.

⁴ Пивоваров М.С. Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 – январь 1923 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918–1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; Кострова О.В. Судебные преобразования в России в 1917–1922 гг.: на примере Нижегородской губернии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008; Горюховский Н.Н. Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье. Дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004; и др.

⁵ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997; Макутчев А.В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012.

В каждом российском регионе, охваченном революционными пертурбациями и гражданским противостоянием, формирование чрезвычайных подразделений советской власти происходило достаточно интенсивно и по-разному. Например, в Самарской губ. деятельность таких структур и соответственно организация служебной повседневности с её характерными чертами осуществлялись после свержения КОМУЧ. Н.Н. Кабытова, рассматривая первоначальный этап создания чрезвычайных структур отметила, что их возникновение объяснялось не только близостью фронта, но и конфронтационным характером власти, развернувшей с сентября 1918 г. «красный террор» в стране⁶. При этом местные руководители взяли на вооружение методы социально-политической поляризации. 12 октября 1918 г. Самарский горисполком во время восстановления советских органов власти принял решение о том, что туда необходимо в первую очередь зачислять граждан, пострадавших от репрессий, а также состоявших на службе до вступления в Самару чешских legionеров⁷. В процессе кадрового рекрутирования самарского губревтрибунала активно использовались и мотивы мести. Так, в декабре 1918 г. на должность его председателя планировалось назначить В.В. Куйбышева⁸, покинувшего Самару летом 1918 г. Более того, осенью ЧК были специально предоставлены безграничные права, что задержало реорганизацию ревтрибунала, и она началась только в январе 1919 г. Местный комиссар юстиции Н.Н. Лотов писал, что «учреждение трибунала им откладывалось сознательно, дабы не стеснять деятельности ЧК, нуждающейся в известной свободе действий в борьбе с контрреволюцией ввиду прифронтового положения»⁹. Внедряя методы подобного рода в практику государственного управления, власть санкционировала у работников чрезвычайных структур постоянную тягу к «революционным атакам и захватам». Однако, несмотря на подчинение местным органам ВЧК, служащие губревтрибунала, хотя и наделяли его военизированными функциями, называя «орудием борьбы», а не судом в традиционном значении, тем не менее в конце 1918 — начале 1919 г. ходатайствовали об ограничении «административного усмотрения» ЧК и введении судебного порядка рассмотрения дел обвиняемых¹⁰.

Меры наказаний в ревтрибуналах зависели от политических приоритетов высшего советско-партийного руководства и корректировались по ходу изменения ситуации. Исполнителями судебной «чрезвычайщины» в Самарской губ. являлись члены ревтрибуналов, средний возраст которых составлял 34 года. Среди председателей и их заместителей, членов коллегии и следственной комиссии находились представители рабочих профессий (вагоновожатый, жестянщик, весовщик и т.д.) и мелких служащих; по образовательному признаку преобладали сотрудники с начальным и средним образованием¹¹. Подобный состав, не отягощённый знаниями и профессиональными традициями, был предрасположен работать, руководствуясь политическим курсом РКП(б).

⁶ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времён до наших дней. В 3 кн. / Под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 3. Самара, 1998. С. 40.

⁷ Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГА СО), ф. Р-56, оп. 1, д. 3, л. 3.

⁸ Там же, ф. Р-81, оп. 1, д. 232, л. 140.

⁹ Там же, ф. Р-1868, оп. 2, д. 3, л. 14.

¹⁰ Там же, ф. Р-81, оп. 1, д. 232, ч. 2, л. 232 об.

¹¹ Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в 1918—1922 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2014. С. 74.

В 1919–1920 гг. принятые центром «демократические» формы судебного производства апробировали исполнители на местах. Считая первые декреты о суде 1918–1919 гг. недостаточно простыми, служащие губревтрибунала положительно оценили «упрощение» следственно-судебного процесса. Критикуя привычный ход предварительного следствия, они полагали, что приговоры ревтрибуналов не позволяют вести «суровую борьбу с контрреволюцией». Дело в том, что весной 1919 г. в Самарской губ. происходили крестьянские восстания, началось массовое дезертирство из частей Красной армии и резко возросла роль чрезвычайных методов управления. Поэтому работники губревтрибунала высоко оценили принятое 12 апреля 1919 г. «Положение о революционных трибуналах». Его председатель Афанасьев в 1920 г. отмечал, что новый судебный декрет ускорял судопроизводство и упорядочивал деятельность ЧК¹². Сотрудники этого чрезвычайного органа всячески содействовали ускорению следственно-судебного процесса в голодные 1921–1922 гг., так как в крестьянской среде периодически нарастали упаднические настроения и вспыхивали протесты. Во время обострения социальной обстановки в декабре 1921 г. ревтрибунал Самарской губ. получил право запрета на пропуск кассационных жалоб в Верховный трибунал при ВЦИК¹³. Однако служащие придерживались прежних принципов организации следственно-судебного процесса, поскольку их нарушение давало обвиняемым повод кассировать вынесенные приговоры¹⁴.

Важным фактором служебной повседневности сотрудников самарского губревтрибунала являлось их материальное положение. Чтобы поддержать благосостояние этих людей, в 1920–1922 гг. власти снабжали их столовыми карточками, вещественным довольствием и обмундированием. Ответственные сотрудники получали трамвайные билеты для служебных разъездов, а тем, кто добирался до места службы на общественном транспорте, выдавали проездные документы¹⁵. Тем не менее всё это полностью не удовлетворяло насущных потребностей служащих губревтрибунала. В 1921 г. материальные трудности (мизерное жалованье, отсутствие оплаты за сверхурочную работу) стали главной причиной их ухода со службы. Председатель этого чрезвычайного органа И.Г. Тамшинов в ходатайстве в губернский отдел юстиции писал об упадке духа своих подчинённых, а также прогнозировал снижение эффективности их деятельности¹⁶. В 1922 г. материальные тяготы заставили этих служащих обратиться к своему председателю с коллективным заявлением о необходимости оказания им материальной и финансовой поддержки¹⁷.

Кроме того, сотрудники подвергались постоянным военным и партийным мобилизациям, а также активно участвовали в военно-политическом противостоянии. Например, в первой половине 1918 г. служащих, являвшихся членами РКП(б), после окончания рабочего дня направляли в клуб коммунистов. Так, член первого состава ревтрибунала М.И. Мартынов и его коллеги состояли в боевой дружине большевистской партии, не только реализовывали судебные полномочия, но и расправлялись с участниками анархо-максималистского

¹² Самарский областной государственный архив социально-политической истории, ф. 1, оп. 1, д. 337, л. 16.

¹³ ЦГА СО, ф. Р-116, оп. 1, д. 1, л. 2–3.

¹⁴ Там же, ф. Р-81, оп. 1, д. 234, л. 393–393 об.

¹⁵ Там же, ф. Р-116, оп. 1, д. 6, л. 404, 1231; д. 25, л. 33; д. 186, л. 3; д. 21, л. 57; д. 24, л. 19, 20; д. 27а, л. 524.

¹⁶ Там же, д. 6, л. 151.

¹⁷ Там же, д. 21, л. 63.

восстания в мае 1918 г., а в июне боролись с Народной армией КОМУЧ¹⁸. Во время наступления колчаковских войск весной 1919 г. деятельность губревтрибунала была парализована из-за отъезда на фронт его основных сотрудников, в том числе следователей¹⁹. Подобная практика, естественно, негативно сказывалась на качестве работы чрезвычайных судебных органов.

В годы Гражданской войны они работали как в стационарном режиме, так и на местах, куда направлялись выездные сессии. На территории Самарской губ. ревтрибуналы были организованы в первой половине 1918 г., однако в 1919 г. их реорганизовали в губернском и уездном центрах (после захвата территории КОМУЧ), но вскоре в уездах упразднили. В условиях обострения социальной ситуации сложившаяся структура ревтрибуналов не способствовала решению проблем, связанных с выступлением крестьянства за «Советы без коммунистов», с участвовавшими срывами фискально-реквизиционной продовольственной политики и ростом дезертирства красноармейцев. На формирование мобильных форм судебного производства и присущие им способы повседневного функционирования влияли территориальная обширность губернии, удалённость её уездов от центра, а также борьба с преступлениями, требовавшими выездных сессий.

Предельная военизированность стала существенной и типичной чертой служебной повседневности сотрудников ревтрибуналов Самарской губ., особенно в сельской местности. Их выездные сессии в уездах определяли судебные меры наказания участникам крестьянских выступлений. Регламентации подвергалось всё, касавшееся как служебного передвижения и порядка размещения участников выездных сессий, так и непосредственного осуществления судебного производства. Самые мощные крестьянские восстания (Чапанная война, восстание «Чёрного орла») были подавлены с использованием террористических методов. После разгрома основных очагов сопротивления крестьяне-повстанцы sporadически нападали на низовые советские и партийные администрации, а также на служащих губревтрибунала. Например, в 1921 г. в г. Пугачёве был совершён налёт на следователя выездной сессии, который оказался в руках повстанца Попова, но «чудом остался жив»²⁰. Для судебного рассмотрения крестьянских протестов на местах губревтрибунал часто «назначал» выездные сессии (к примеру, военную — на железнодорожную станцию Семиглавый Мар в мае 1922 г.). Как правило, их целью объявлялась «борьба с бандитизмом», ведь официально признавались только «бандитские» мотивы крестьянских выступлений.

После 1917 г. о революционно-демократических ценностях «забыли», и каждая из противоборствовавших сторон на первое место выдвигала задачи централизации власти и концентрации всех ресурсов для победы в Гражданской войне. Механизм коммуникации советской власти и общества включал в себя множество репрессивных средств и способов манипуляций. Одним из них стал «язык» власти. Возникший стихийно, он играл, как отмечает Булдаков, большую роль в процессе превращения агрессивного «человека толпы» из возможного противника в «соучастника» репрессивности²¹. Кроме того, активно формировался

¹⁸ Октябрь в Самаре: Воспоминания. Куйбышев, 1957. С. 213–214.

¹⁹ Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры... С. 74–75.

²⁰ ЦГА СО, ф. Р-116, оп. 1, д. 48. л. 6.

²¹ Булдаков В.П. Красная смута... С. 449.

и насаждался в общественном сознании образ врага²², использовались технологии «приписывания к классу»²³ и др. Организация судопроизводства и приговоры чрезвычайных судов являлись дифференцированным средством воздействия на целевые группы подсудимых. Так, вынесенные приговоры к высшей мере наказания в отношении крестьян-повстанцев устрашающе воздействовали на локальное сообщество, в котором они жили. Однако ревтрибуналы не были простым карательным «орудием борьбы». Для каждой категории обвиняемых меры наказаний назначались с учётом социально-оперативной целесообразности. Их целью стало получение социальных, экономических и военных преимуществ для проведения политики советской власти и РКП(б).

Служба сотрудников местных ревтрибуналов часто проходила в социально-экстремальных условиях. Так, члены выездной сессии добирались до мест назначения в общем поезде, но в специально отведённых местах, «подальше от публики»²⁴, а их работа приравнивалась к службе в Красной армии. Следователи имели право на ношение огнестрельного и холодного оружия. На месте назначения работники выездной сессии запрашивали у военных даже несколько единиц крупнокалиберного оружия. К тому же такую сессию могли объявить на военном положении, а всех сотрудников — на казарменном. Без разрешения коменданта и наличия пропуска им запрещалось самовольно выходить из здания, в котором размещалась коллегия²⁵. Членам выездной сессии выдавались продукты питания, но такая система обслуживания работала с постоянными перебоями²⁶.

Сотрудники низовых советских органов власти, в том числе следователи и судьи выездных судебных структур, во время крестьянских выступлений при вынесении судебных решений были склонны к радикализму, упрощали форму следственного и судебного производств. Относительно мотивации решений чрезвычайных судов отмечалось явное доминирование социально-оперативной целесообразности в определении форм и принципов чрезвычайного судебного производства. Кроме того, последнее имело чётко установленные принципы и заранее предусмотренные избирательные меры наказания по разным видам преступлений, в ряде случаев, например, по крестьянским делам, отличавшиеся жёстким характером. Так, летом 1921 г. возникла угроза захвата повстанческими отрядами г. Пугачёва, и в уездный центр направили выездную сессию с правом ускоренного рассмотрения дел и исполнения приговоров без утверждения и проведения заседаний в коллегиальном формате без открытых заседаний²⁷.

Превалирование в судопроизводстве целей по удержанию власти в руках советов и РКП(б) отчётливо проявилось при решении судьбы арестованных в с. Пузанихе, охваченном крестьянским восстанием. Председатель выездной сессии губревтрибунала Горев в ультимативной форме обратился в центр о немедленном утверждении принятого сессией приговора, хотя его исполнение уже приостановили, а кассационную жалобу осуждённых ещё только рассматривали.

²² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 391–400.

²³ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 174–208.

²⁴ ЦГА СО, ф. Р-116, оп. 1, д. 15. л. 1.

²⁵ Там же, д. 45, л. 24.

²⁶ Однако это была закономерность в голодные 1920-е гг. (Там же, д. 15, л. 151).

²⁷ Там же, д. 8, л. 1.

Их долгое содержание в заключении, считал Горев, привлекало внимание населения. Если его просьба не будет удовлетворена, писал председатель, принятый сессией приговор немедленно приведет в исполнение²⁸. Фактически участники выездной сессии истребляли группы граждан, руководствуясь приоритетной целью центральной власти — добиться неуклонного выполнения населением фискальных повинностей. Все его протесты относительно такой социально-экономической политики подавлялись.

Руководство местных органов юстиции и председатели ревтрибуналов оперативно реорганизовывали судопроизводственный процесс. В зависимости от типа расследуемых преступлений менялось их понимание прав подсудимых и применяемых к ним наказаний. При рассмотрении «дезертирских» и «церковных» дел устанавливалась публичность, т.е. «показательность» судебного процесса; обвинителями назначались коммунисты. Подобные принципы разбора «дезертирских» дел в выездных сессиях осенью 1919 г. привели к повышению явки дезертиров²⁹. По инициативе политических руководителей местные судьи не просто назначали наказания, но оглашали их, рассчитывая на психологическое воздействие на осуждённых и их социальное окружение.

Закономерно, что тяготение сотрудников ревтрибуналов к чрезвычайным методам деятельности (поддерживавшимся губернской властью) и политике «революционных атак и захватов», наличие у этих судебных функционеров широких прав и полномочий нарушали нормы законности военно-революционного времени. Следственно-судебные работники выездных сессий губревтрибунала не только расследовали в уездах дела, связанные с крестьянскими выступлениями, но и нередко сами становились участниками жестоких противоправных действий уголовного характера. Предметом внимания местных властей стал случай насилия над крестьянами с. Домашка Бузулукского уезда. Здесь в апреле 1921 г. члены выездной сессии были уличены в серии грубейших (доходивших до безрассудной жестокости) преступных деяний. Сотрудники ревтрибунала самовольно запретили местным жителям выезд за пределы волости в течение недели, в том числе и во время посевной, в результате таковая не состоялась. Они также конфисковали крестьянский скот, что не позволило засеять поля; избili местных жителей, инсценировали расстрелы и пьянствовали до «бессознательного состояния»³⁰. Вседозволенность и моральная деградация участников преступных действий способствовали формированию в общественном сознании негативного образа служащего ревтрибунала, что лишало чрезвычайные суды доверия. При этом устрашающее воздействие органов чрезвычайной юстиции распространялось не столько на представителей «бывших» имущих классов, сколько на самих крестьян.

В повседневной работе выездных сессий фиксировались также должностные правонарушения, касавшиеся организации следственно-судебного процесса. Например, в июне 1922 г. в Бугурусланском уезде члены особой сессии при проведении заседаний руководствовались только материалами предварительного дознания, игнорируя другие источники сведений; допросы свидетелей и обвиняемых проводили с «пристрастием»; перед уходом на совещание судьи обменивались мнениями с публикой; сами заседания оказывались «неторжественными»³¹. Тем

²⁸ Там же, д. 2, л. 2, 4.

²⁹ Там же, ф. Р-81, оп. 1, д. 234, л. 407.

³⁰ Там же, ф. Р-1868, оп. 2, д. 185, л. 22–22 об.

³¹ Там же, ф. Р-116, оп. 1, д. 7, л. 153.

не менее преступные действия не оставались безнаказанными: совершивших уголовные преступления или должностные правонарушения выявляли и отдавали под суд.

Итак, основные формы и содержание служебной повседневности сотрудников ревтрибунала в Самарской губ. были порождены военно-политическим противостоянием: поиском «третьего пути в революции», масштабными крестьянскими восстаниями и голодом, спровоцированным фискально-реквизиционной политикой советской власти.

Отношение судей чрезвычайных структур к законодательным нормам организации и осуществление судопроизводства приобрели утилитарные черты. С одной стороны, закономерным явилось стремление местных судебных функционеров к упрощению имевшейся правовой базы, с другой – Гражданская война обусловила превалирование социально-оперативной целесообразности над общими судебно-правовыми средствами регулирования конфликтов, что вызывало тяготение к официально санкционированным местной властью специальным, преимущественно чрезвычайным формам и методам судебного производства. Общее влияние революционного переустройства и военного времени привело к проявлению девиантных форм поведения – склонности к насилию над подсудимыми и местными жителями, нарушению установленных правил осуществления судебного производства.